

Зингерман (Исакович)
Борис Исакович

В тот день лил нескончаемый, проливной дождь, но он не смог помешать собраться множеству людей, пришедших в особняк на Большой Никитской, где находится Еврейский Культурный Центр. Художественный руководитель Центра Марина Смелянская организовала вечер памяти Бориса Исааковича Зингермана, посвященный 75-летию замечательного театроведа. Два с половиной года, прошедшие после его ухода из жизни, быть может, еще резко обозначили горечь огромной утраты.

Вечер начался с показа видеопленки, запечатлевшей одно из выступлений Бориса Исааковича в стенах Института искусствознания. И в тех речах, что прозвучали в уютном зале старинного особняка, возникал образ талантливейшего человека, сумевшего прожить вопреки злобе дня, автора прекрасных, уникальных книг и статей не только о театре, но и о живописи, о литературе. В статье «Время в пьесах Чехова» Зингерман писал: «Эта раскрытость вечности, это ощущение личной причастности к прошлому и будущему человечества, это душевное изящество... придает чеховским героям... пленительное обаяние, что возвышает их над ситуациями и временем своей жизни и над многими персонажами мировой драмы нашего века». Эта распахнутость вечности, незамкнутость временем своей жизни были свойственны и самому Борису Исааковичу.

Вечер получился теплым. Он объединил коллег Бориса Исааковича и друзей его юности, теоретиков и практиков. Делились воспоминаниями, пытались осмыслить сделанное Зингерманом. Разрядкой послужил спич Инны Вишневецкой, о том, каким остроумным человеком был Борис Исаакович, как ценил юмор (в доказательство был рассказан один из последних, понравившихся Б.И. анекдотов).

В финале на сцене появился Юрий Петрович Любимов. Сегодня в Театре на Таганке работает внук Б.И. Зингермана – артист Тимур Бадалбейли. На вечере он присутствовал вместе с мамой – Сусанной Борисовной и бабушкой – театроведом Еленой Ильиничной Фалькович, женой Бориса Исааковича.

«ЭС» публикует фрагменты из нескольких выступлений.

Алексей БАРТОШЕВИЧ

Для очень многих людей моего поколения, для поколения людей помладше,

Борис Исаакович Зингерман был человеком такого полета, такого уровня, что язык не поворачивался называть его иначе, чем по имени-отчеству. Когда перечитываешь его кни-

Чудо авторитетного слова

ги, написанные очень давно, создается полное ощущение, что они написаны не 30-40 лет назад, а только что. Это очень редкая, уникальная вещь – способность текста не стареть. Мало можно найти примеров подобного рода. Я долго упрашивал его прийти в ГИТИС преподавать. Пытался его убедить, понимая, насколько это профессионально и жизненно важно для молодежи. Он долго отказывался, потом согласился, но в какой-то момент вновь отказался. Но в сущности говоря, он был и остался учителем очень многих. И не только потому, что он был блестящим критиком, литератором. Зингерман был гениальным редактором. Что такое профессия редактора? Он умел так видеть чужой текст и так безошибочно указывать на больные точки, что текст мгновенно преображался под рукой автора, вдохновленного словами Бориса Исааковича. Молодежь ходила к нему в институт и в его квартиру, я не знаю никого из людей его поколения, оказавшего такое мощное влияние на нашу жизнь и нашу работу. И дело не только в профессиональном влиянии. Многие ходили к нему со своими жизненными проблемами и получали каждый раз точный и глубокий совет.

А насколько пронзительным был его театальный взгляд! С какой безошибочной и несентиментальной точностью он мог заметить и сформулировать главное в спектакле! Как уважали его внутри театра! И не только Театра на Таганке, в судьбе которого Борис Исаакович сыграл очень важную роль.

Его книги не только о театре, но о живописи, о литературе – настоящий образец глубины и совершенства. Борис Исаакович был человеком, принадлежавшим российскому театру, российской культуре. Сколько бы он ни писал о западном театре, существо его взгляда на мир и его взгляда на театр составляла память о Художественном театре, о стариках МХАТа, которых он еще застал. Они сыграли важную роль в блистательной жизни и судьбе Бориса Исааковича.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Сам уровень, сама судьба Бориса Исааковича Зингермана предполагает у говорящих и пишущих о нем ответственность. Жизнь Зингермана – глубоко «неправильная». Не достиг того, что человек его уровня должен был достигнуть, он не был доктором искусствознания, он не ездил по миру даже тогда, когда все стали ездить во все страны. Он писал о вещах, которые он нафантазировал в своей голове и писал лучше, чем люди, видевшие это тысячу раз. Он изобрел особый жанр нашей науки – замечательного, заочного, фантазийного театроведения. Он был представителем праздничного театроведения. Он всегда и говорил, и писал празднично. Он понимал, как начать текст, как его закончить, как его отделить. Он был театральным человеком. Лучшие его вещи поражают так же, как хороший спектакль, как прекрасная музыка. Он знал, продумывал, просчитывал эффект, производимый его статьями. Он был человеком, жизнен-

ное поведение которого стояло за его словами. Что очень редко совпадает, а когда совпадает, – возникает чудо авторитетного слова. Того слова, к которому среда очень чутко прислушивается. Авторитетного слова очень мало. Его почти нет. А со смертью Зингермана осталось, может быть, полтора голоса. Не знаю, насколько он был носителем авторитетного слова для так называемых практиков. Помимо нескольких режиссеров, высоко его ценивших. Среди его друзей – Любимов. Но настоящей его цены многие не знали. Ефремов не знал, говоря ответственно. Он не до конца понимал высоты Зингермана, высоты его слова. Только после того, как он прочитал «Время в пьесах Чехова», что-то с Ефремовым произошло. После этого текста он понял, что есть вещи поважнее театроведения. Когда текст становится событием в твоей личной жизни. Его нельзя забыть, как некоторые классические вещи, он врежется в память.

Зингерман рассуждает о событиях в пьесах Чехова, о технике заглушения событий и, наконец, подходит к ошеломляюще простым вещам. На примере пьесы Чехова он говорит, что главное событие в них – *перемена настроения*. Но как через это выстраивается чеховское мироздание, как сам Борис Исаакович, описывая время в пьесах Чехова, в сущности, дает свое понимание человеческой жизни, как он сам живет, как он прожил свою жизнь. Что такое крупное событие в человеческой жизни, что такое некрупное событие. Почему *перемена настроения* является истинным событием, а поездка в Париж – не является, и защита диссертации – тем более.

Счастливая ли, блистательная ли была судьба Зингермана? С точки зрения какого-нибудь успешного человека, наверное, нет. Много чего не успел, много чего не увидел, много чего не получил. Но с нашей, общей точки зрения – абсолютно счастливая, абсолютно завершенная, красивая судьба. Успел сказать то, что хотел сказать и умел говорить как никто.

Можно найти истоки его праздничного красноречия, его стиля в русско-еврейском красноречии. Можно вспомнить Наума Яковлевича Берковского, его Зингерман любил. Он наследует эту важнейшую линию. Это была горделивая скромность. Он создал свое малое пространство, в котором к нему приходили и его спрашивали. Этим пространством был сектор в Институте искусствознания, этим пространством был его дом. Забавно было следить за Борисом Исааковичем, когда он покидал свое пространство и переходил в иное, враждебное. Подколесин в «Женитьбе» меркнет перед Зингерманом, входящим в Министерство культуры СССР. Кому-то пришло в голову, вероятно, поклоннице из числа чиновниц, пригласить Зингермана выступить на «Итогах сезона». Эти «итоги» вел Зайцев. Здесь не нужны были ни праздничное красноречие Бориса Исааковича, ни «перемена настроения».

Я всегда смотрел на Зингермана с практической точки зрения, как он сконструировал свой мир, как человек вырыл себе эту нору, как хорошо он в ней окопался, как ему не было нужно ничего, из того, что было нужно

большинству. Как прекрасно он работал до последнего дня! Какой обязательный это был человек! Если ты ему пошлешь книжку – через два дня он звонил и говорил: вчера ночью прочел. Этим он потрясал. Он должен был говорить мудро, коротко и глубоко. Он готовился даже к телефонному разговору. Говорил какие-то хорошие слова. И прибавлял замечание. Видимо, он его продумывал. Мне он как-то сказал: "Толя, вопрос в том, что вы слишком хорошо пишете". В нем была загадочность, идущая от тысячелетнего, спрессованного опыта, который бросает в нас семена культуры, традиции. Изумительная фигура! И пластически изумительная. С этой его одышкой, неповоротливостью, с этими его отдыхами в Подмоскowie. Он и там свой малый круг нашел, рассказывал о Подмоскowie как о Швейцарии, Австралии или Испании. Там чудесно, он сидит и пишет "Время в пьесах Чехова" и открывает то, что никто и никогда (хотя написаны тома) не открывал. Изумительная ясность взгляда!

Александр КАЛЯГИН

О Борисе Исааковиче Зингермане я могу говорить долго и восхищенно. Его книги в моей библиотеке не только занимают особое место на полке, они затребованы как самые любимые книги, которые читаешь на протяжении всей жизни, возвращаясь к ним вновь и вновь в разные периоды жизни.

У Бориса Исааковича я учился играть Чехова. Казалось бы, звучит странно. Но ведь именно он раскрыл загадку Чехова о "плавающем времени". Сыграть это ощущение невозможно, но знать его необходимо. Потому что Борис Исаакович сумел найти слова, чтобы описать, доказать, как может существовать персонаж, а значит и артист, в подобном измерении. Борис Исаакович открыл для нас не только мир Чехова, но и Стриндберга, и Пиранделло. Пожалуй, впервые я понял, что теоретик может дать точную подсказку практику, как играть того или иного автора, тот или иной персонаж. Я счастлив и горд, что одним из последних спектаклей, который видел Борис Исаакович Зингерман, был "Шейлок". Его слова для меня бесконечно дороги и останутся в душе, как одно из самых светлых воспоминаний в жизни.

Ему исполнилось бы 75 лет, не такой уж почтенный возраст. А кажется, что Зингерман был классиком в настоящем, подлинном и полноценном значении этого понятия. Он владел уникальным талантом теоретика, живо чувствующего практику театра, принимающего участие в освоении культурного пространства, без которого мы задохнулись бы, как без свежего воздуха.

Не знаю сегодня личности, равной ему по масштабу. Низко кланяюсь его памяти, никогда не забуду имени Бориса Исааковича Зингермана, так много значащего не только в моей театральной судьбе.

(А.А.Калыгин был на гастролях и его послание зачитала на вечере Марина Смелянская)

Александр ГЕЛЬМАН

Я человек со стороны. Помню свою первую встречу с Зингерманом. Не с самим Зингерманом, а с его текстом. Это была статья о Стриндберге в журнале "Театр", году в 1976-м. Она произвела на меня огромное впечатление, помню это впечатление до сих пор. Не так много текстов, впечатления от которых помнишь многие годы. Я тогда не очень знал Стриндберга, ни одной пьесы не читал, только прозу. Меня не столько Стриндберг заинтересовал, сколько Зингерман и его замечательный текст, в нем были замечательные мысли, глубина необыкновенная. Потом я познакомился с Борисом Исааковичем, по моему, дома у Швыдкого, если я не ошибаюсь. Что-то говорили, как обычно, полуполитическое, как обстоят дела с антисоветизмом. И я помню, как Зингерман меня и мои мысли, которые я там высказывал, ставил "в кавычки". Я хорошо помню этот взгляд. Я не могу сказать, что мы дружили. За всю жизнь встречались раз 15, из них 10 – в присутственных местах или случайно на

улице. Есть несколько "разрядов" встреч на улице. Когда люди кивнут друг другу и пойдут дальше, когда – пожмут друг другу руку, скажут три слова и пойдут дальше. И третий "разряд" (к нашим встречам на улице, когда мы остановимся, поговорим, проводим друг друга в его или в мою сторону. Но никогда у меня не было с Борисом Исааковичем серьезных разговоров. Поэтому скорее можно говорить о моих отношениях с его текстами, а не об отношениях с ним самим.

В чем сила текстов Зингермана? В них есть некое стремление к исчерпанности. Когда читаешь про Чехова или про Стриндберга, ощущаешь полную исчерпанность описания этого автора, его творчества. Как возникает эта исчерпанность? Тут есть совпадение глубины автора и глубины самого Зингермана. Соприкосновение интуиций. Когда читаешь Зингермана, представляешь себе, как он думал, мысли явно приходили не тогда, когда он работал над этим текстом, но гораздо раньше. Книга возникла из мировоззрения, общего мироощущения. Философия Чехова вычитывается из его текстов, так же и философия Зингермана, книга освещается мыслью о жизни, о смерти, о ценностях жизни.

Когда я работал над пьесой "Наедине со всеми", я вспоминал какие-то мотивы из статей Зингермана. Он не был моим учителем. Мне кажется, он не хотел учить, не случайно он отказывался преподавать, учить ремеслу. Он из тех, кто вдохновляет. Я очень жалею, что ни разу по существу не разговаривал с ним так же серьезно, как думал, читая его тексты. Но теперь этого уже не поправишь.

Валерий СЕМЕНОВСКИЙ

Несколько слов о той роли, которую Борис Исаакович сыграл в становлении журнала "Театр" прежде всего в те, лучшие для этого журнала годы, да и для нас, тех, кто пришел позже. Его влияние было не всегда прямым, но определяющим. Журнал "Театр", так называемый погодинский, часто сравнивают с "Новым миром". Для театрального сообщества он играл именно такую роль. Во второй половине 50-х

годов, это было замечательное место на Кузнецком, для нас оно было легендарным и, как во всякой легенде, не сразу понимаешь, что самое существенное. При этом всегда говорилось и говорилось справедливо – погодинский журнал, крымковский журнал, журнал Рыбакова, Свободина упоминали. Борис Исаакович служил в журнале очень немного и занимался зарубежным театром, но его роль была совершенно особенной. В середине 50-х, когда возник "Современник", когда возникла возможность не только говорить, но и что-то осознать, эпоха проходила под знаком десталинизации. Тогдашняя сосредоточенность на "глотке свободы" обладала, как теперь понятно, некоей ограниченностью, прямой публицистичностью.

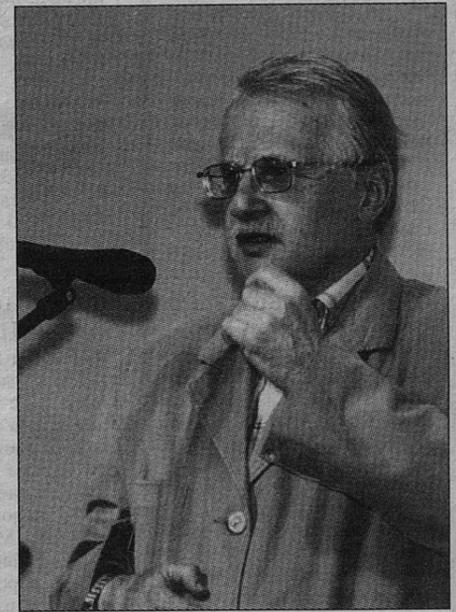
Особняком стоят Зингерман и еще несколько имен, связанных с его молодостью и связанных с журналом "Театр". Это его покойный товарищ Матвей Иофьев, замечательный критик, погибший молодым. В издании его посмертного сборника Борис Исаакович принял деятельное участие. Вадим Гаевский. И человек другого замеса, не театровед, а блистательный журналист, свободный человек Александр Асаркан, ныне живущий в Чикаго, которого Борис Исаакович уважал, и Асаркан его уважал. Названные люди внутренне другие. Они ощутили нечто такое, что ни Крымова, ни Саппак в силу своего критического темперамента, особенностей своего таланта, своего формирования профессионального, человеческого, не ощущали. Зингерман уже тогда был "шлюзом". Идея связующей нити, идея культуры овладела Зингерманом гораздо раньше, чем в 70-е, когда мы держались за эту идею (а за что еще можно было держаться). Из этих идей родилась книжка "Жан Вилар и другие", перевернувшая все. Это стало абсолютнейшим открытием.

Расхожими стали разговоры о "воздушных путях", а ведь они у каждого свои. Когда называешь тех людей, которые были важны для Бориса Исааковича и уважение к которым он передал нам, назову Тарабукина, впервые это имя я услышал от Зингермана. В недавнем вышедшем сборнике опубликована блистательная статья Бориса Исааковича о Тарабукине. Когда он приоткрывал человека, когда он давал портрет человека, – это был блистательный писательский портрет, художественный портрет. Он замечательный литератор. Зингерман ненавидел псевдоакадемичность с ее водянистостью, листажом. Он не был благостным человеком. Он был человеком сильных страстей, обладавший "великолепным презрением", он его иногда скрывал, а иногда не скрывал. Я от него впервые услышал: "Томаса Манна читали? Прочитайте про "холодок". Это особый "холодок", который пишущий человек, если он что-то хочет сделать (а всякое действие рождает противодействие), обязан "напустить на себя".

Главное ощущение от сделанного Зингерманом – ощущение непрерывности. Не то, что в 56-м году возник "Современник" и все началось заново. Нет, был Тарабукин, был Абрам Эфрос, был Берковский. Недаром Зингерман написал о Лобанове, бывшем предвестником новой режиссуры, он ее предчувствовал. Зингерман – человек с очень определенным мировоззрением. Он играл колоссальную роль в нашем становлении. Когда мы пришли в журнал "Театр" – Маша Седых, Галя Холодова, Миша Швыдкой, я – нас отчасти "использовали", нас противопоставляли крымковской редакции и на нас, молодых, делали ставку. Нам говорили: у них была публицистическая критика, а у вас будет эстетическая. Не занимайтесь реальным театром, пишите про Новалиса, Тика, Гофмана. А тут как раз вышла книга Берковского "Романтизм в Германии". Путаница была страшнейшая. Но рядом был Зингерман, человек всегда ясных историко-культурных понятий. Для него была важна линия, идущая от русской художественной критики, имевшей особые свойства. Российские критики всегда осознавали себя тружениками российской словесности. Независимо от того, писали ли они в академической форме, или в форме эссеистической. Это было чрезвычайно важно. Как бы Кугель ни не любил Художественный театр или

Мейерхольда, репертуарный театр формировал свою художественную критику. Это особая традиция нашего развития, связанная с традициями русской театральной и художественной журналистики. Она сегодня на наших глазах загибается, уступая место пиару, являющемуся псевдонимом бесстыдства. Я ощущаю драматизм ситуации, в которой находимся мы, пытающиеся наследовать заветам. И в этой ситуации Борис Исаакович с нами.

Видас СИЛЮНАС

Борис Исаакович не испытывал особого искушения, когда его звали выступать в Лондоне, в Сорбонне. Он был человек самодостаточный. По одной простой причине: он вмещал в себя весь мир, прежде всего своей мыслью. Его мысль была всеобъемлющей. Не случайно его последней, итоговой работой стал "Человек в меняющемся мире".

Он был большой художник, а художнику что нужно? Иметь две вещи: взгляд и слух. У него был взгляд, он органично глядел на все в самом широком мировом контексте. У него был слух, он удивительно точно чувствовал время. Может быть, одной из самых лучших его работ была статья "Время в пьесах Чехова". Одним из его героев стал Ибсен, а он еще 150 лет назад в своем "Бранде" подметил страшную опасность, подстерегавшую людей и, может быть, в большей мере, преследующую современного человека: "Да, они чуть-чуть во всем, чуть-чуть в хорошем и дурном, они в большой и малой дроби, добре и зле, любви и злобе. Скверней всего, что дроби часть берет над всем остатком власть". Вот это не грозило Зингерману, он был цельным, тождественным самому себе во всем, человеком. Если Стендаль писал Бальзаку: вы пишете фрески, а я портреты, то Борис Исааковичу удавалось создавать одно и другое вместе. У него портрет переходил в фреску, а фреска своей многофигурностью не заслоняла человеческой индивидуальности.

И в творчестве, и в жизни он был удивительно внимателен к каждой работе. И к каждому из нас. С таким же увлечением, с каким он создавал глубочайшую концепцию, он готовил овощной салат, чтобы покормить нас в жаркий день. За два дня до того, как его увезли в больницу, он позвонил мне не для того, чтобы рассказать, как плохо он себя чувствует, а узнать, как я себя чувствую. Из больницы он уже не вернулся. Вышел сборник памяти Зингермана, который подводит итог его творчеству и веку. После его ухода началось какое-то новое летоисчисление: время и век вместе с Зингерманом и время памяти Зингермана. Я думаю, время памяти Зингермана будет длиться дольше, чем век.

Материал подготовила
Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ